

В пору, когда исстари дефициты, выходящие на Малой драматической — это выходящие миллионными заплатами билеты по 30—100 долларов. Куда? Естественно, в «Ленкома». И так последние двадцать пять лет, что привычно связывается с именем Марка Захарова. Фигуры, столь заметной в сегодняшней культурной и общественной жизни, что в ее тени немудрено затеряться. В частности, тем, о ком принято говорить: их не видит зритель... Без участия массы людей из постановочных, хозяйственных, административных служб, понятно, не мог бы состояться ни один спектакль. Имя же «Ленкома» — сложная нестационарная комбинация выходящих в одежду в униформу билетеры и гардеробщицы, ведущие администраторы, афиши, программки, буфеты, предумышленно приготовленный для зрителей лоток с цветами... Все эту будничную, неброскую работу возглавляет и организует директор. В «Ленкома» — Марк Борисович Варшавер.

В последние времена во многих театрах директора стали вывешивать свои портреты рядом с артистами. Но не в «Ленкома». Хотя во взаимоотношениях с артистами Варшавер (артист во второй своей профессии) портретный галерей на испортит бы.

Марк Анатольевич оберегает репутацию...

Для директора «Ленкома» театр начинается не с вешалки, а с улицы

бюж. Москва. — 1998. — 22 июня. — с. 6.

Виктор ГАЛАНТЕР, Анна КУЗНЕЦОВА, Сергей ПАНКРАТЬЕВ (фото)

Марк Варшавер считает, что зритель — существо курьезное: скорее понятлив, чем умен

— Марк Борисович, как становится директором театра?
— Так же, как в любой другой профессии, — по любви, а не за деньги... Мы ехали с Марком Анатольевичем тогда еще Леонидом Умер директором Радик Эюмом. И Марк Анатольевич мне говорит: ну что же, принимайте дела. Я оторопел. Это же громадная ответственность — встать рядом с таким человеком. Надо соответствовать ему.

— Ну и как? Соответствует?
— Старое. У нас ведь с Марком Анатольевичем много общего. Судьбы похожи. Прежде мы нашли свой театр в столице, и он, и я помыслили по периферии. Я учился в Горьком в театральном и музыкальном училищах. Перепробовал себя в разных профессиях. Работал менеджером, играл в ресторанном оркестре — деньги зарабатывал, семью содержал. Потом был артистом в Новосибирске, а в Аргентине тоже не сразу оправдался в приглашении. Прожил нелегкую жизнь до того как нашлось место в столице. Его первые столичные спектакли — «Разгром», «Доходное место» — хоть и имели шумный успех, но делались не в «своих» театрах... Я ценю в нем разносторонность: писал стихи, юморички... И сейчас пишет сценарии. «Варвар и еретики» — одна из его литературных работ.

Марк Анатольевич — необыкновенно добрый и душевный человек, который боится, чтобы о нем так не подумали. Его оберегает на-

А я, когда увидел, что актерская карьера не принесла мне ни денег, ни славы, средним актером оставаться не захотел, начал пробовать себя в административной деятельности. Сначала просто продавал билеты, — появились более или менее приличные деньги. Понял — это моя профессия.

Конечно, был ГИТИС, учеба на факультете экономики и организации театрального дела, но лучшего учителя, чем жизнь, не бывает. Практике выше любой теории. Я вот уверен, что творец Явлинский никогда не сможет быть руководителем. В отличие от Лукова. Когда же мне приводят студента на практику, я им говорю: учебники, лекции забудьте, тренируйте ум поиском нестандартных решений, каждую минуту надо быть готовым делать выбор, принимать решения. Впрочем, этому нельзя научить, можно только научиться. Мне многому пришлось учиться: вести диалог, и слушать, и уметь разговаривать так, чтобы тебе не могли отказать.

— Актерское образование, надо думать, тут вам помогает?
— Конечно. В театре мы разговариваем на одном языке. А вне театра ветерская манера, понимание лидеров, психология помогает в общении.

— В театре нужны чуткость мышления и точное осознание, во всем чего ты работаешь. Нелзя просто зазывать быть директором. Так же, как генералом...

— Как строится ваши рабочие взаимоотношения с Захаровым?

— Я его помощник. Мне трудно представить себя рядом с кем-то другим. У нас не бывает, чтобы я его не понял. Я не только подписываю сметы, а живу вместе с режиссером с момента возникновения идеи до премьеры, я соучастник всего, что он делает, его душа, может быть, даже продолжение его руки... Ленкома — Захаров — организатор, а я человек, который должен быть старт. И верю лидера в тебе. Как говорят французы: сделай меня на секунду талантливым, и я таким останусь.

— Вызвук ли у вас разногласия с худруком?

— Нет. И не могут быть.

— Приходится ли вам решать бытовые проблемы актеров? Имеет ли место, скажем, сваренный чай с советской «квартирный вопрос»?

— Естественно, аккеминуто, аккекунду...

— Вот приходит, к примеру, Явлинский. Какие у него могут быть вопросы к директору театра?

— Может, просто о жизни поговорить... Получить совет.

«Высото Явлинского» в директорский кабинет заходит Александр Збруев: не беспокойтесь, Александр Викторович, будет для вас путевка в подмосковный пансионат...

Заместитель директора попросит машину, чтобы отвезти в больницу заблудившего экономиста.

Секретарша соединила Варшавера со экономиком вчерашем: оязательно встретитесь с вами @@@@, Леонид Сергеевич, как общался...

— У вас есть какие-то специфические директорские принципы и правила поведения?

— Первое: никогда не врать. Не обещать того, что ты не сможешь сделать. Второе: не быть равнодушным. Простое всего к людям. Но если ты прошел мимо забытой мусорной урны или перегоревшей лампочки, ты профнепригоден для директорской работы. Театр для меня начинается не с вешалки, как у Станиславского, а с улицы, где возле здания тоже должно быть чисто и красиво. А самым непременным условием — равнодушие... и так далее.

— Но у вас даже в закупочном баре продаются чуть ли не все горячительные напитки мира.

— Одно другому не противостоит. Популярность, все для нас, только не во время работы.

— Не так давно Марк Анатольевич заметил в интервью, что в каждом театре существует постоянная угроза творческому процессу — оно совсем — присутствие. Какое ваш административный вклад в борьбу с этой напастью?
— Последовательность. И непрерывность.

— Исключительно в области отелей, которые, директор — это заказчик?

— Конечно. Это были времена, когда само это слово было руга-

тельным. Тогда директора назначали из банно-прачечного треста, и его главная функция заключалась в том, чтобы служить мостом между коллективом и горским партией, передавать распоряжения, информировать...

— Директор театра человек неблагодарный?

— Богатство — понятие растяжимое. Один считает себя богатым с бюджетом в 70 рублей, другому тысяча долларов не жалеть. Два человека одинаково могут двадцать. Иммулу закончат двестирублевую. У меня — тридцатилетняя квартира, а ее полтора двадцать лет назад. Две куртки несколько лет назад за пятьсот долларов с сыном и присвою ее в порядок. Машина служебная. Вот «Гель» люблю, в коллекции, невероятный, работ сто пятьдесят... Обездил весь мир, но сейчас больше люблю дачу, чем путешествия... Не знаю, что такое богатство. Не думаю, что мне надо, умения вести...

Мы сидим в кабинете Варшавера. Он — рядом с замарашком. На одном мониторе — дриемная. На другом — основные показатели театра. Несмотря на дистанцию секретарю, главный телефон переводит на переводчик.

Звонок: «Здравствуйте. Выключите любовь (надо полагать, просьбу). Хотите есть (уже ясно, про что). Пожалуйста. Завтра с вами на служебной проходной. На чью фамилию?»

— А спонсоры что к вам приходят? Чем вы с ними разговариваете?

— Любим их. Вот и все. Ведь деньги, которые они дают (благодарные), не освобождают от проблем. Тот же Пьер Карден, фирма, которая у нас гастроли в Париже и Нью-Йорке, потратил на ведь и те, и другие выступления длилось по 53 дня, выехали 120 человек... Естественно, получили налоговые льготы. Другое дело, что он мог пригласить другие театры — МХАТ, «Современник», а выбрал именно нас.

— Спонсоры приходят сами?

— Спандан звонит на приемный, говорит: «Спонсор» пришел. Пришел, а в конце, пришел из Днепропетровска Виктор Михайлович Пичук, крупный бизнесмен; я очень хотел бы помочь театру! Я очень хотел бы помочь театру! А он мне: и без билетов хочу вам помочь. Несколько наших спектаклей полностью им профинансировано. Мы не организуем спонсоров. Ни у кого ничего не выпрашиваем. Нам помогает то, что мы есть. Спонсоры у нас не так много. «Русское золото» к примеру. Группа «Интерлайн» с

Украины, коммерческо-благотворительской фирме АСТ.

Ну а главный наш благодетель известен. Конечно, это город и Юрий Михайлович Луков. Вот у кого я учусь профессионализму, стремлению к доскональному пониманию ситуации и проблемам. В нем редкое сочетание — универсальности с профессионализмом, организми непозволительным патриотизм. А фанатизм его в предности делу — очень близок и дорогое мне качество. Юрий Михайлович — редчайший человек, который в драматическом инновации остается глубоко традиционным. Он ведь не только нашему театру помогает. Муниципальных театров по Москве — 62. Но мы единственный театр не Комитете по культуре, а правительству города. Я старюсь не досажать мэру, не беспокоить его. Он сам зовет, хочет услышать, как живет театр. Смиртел у нас все спектакли, любой актер. Власть дает человеку такую возможность помочь.

Мы — репертуарный театр, который не может быть коммерческим. Конечно, если бы мы сделали билеты по сто долларов, то купили бы все расходы. А так мы зарабатываем лишь тридцать процентов того, что нам необходимо. Телю, свет, воду оплачиваем из тех денег, которые продадут. Все новые постановки — на спонсорские деньги. Но у нас самый дорогой билет — 50 рублей. И мы не повышаем цены. Мы должны остаться общедоступным театром. Это субгород с личной человека может купить — может не купить, в театре он должен иметь возможность пойти.

Лингвистическое, что главное для нас в театре...

— Зритель. Ведь зритель — это один из самых важных актеров в пьесе. Он — весьма курьезное существо. Скорее понятлив, чем умен. Умственный уровень его чаще ниже, чем у наиболее интеллектуальные представители Homo sapiens. Он, зритель, включает и истерично продажному, и профессору философии. А значит, театр должен быть посередине и связываться всеми понятиями и интересами. Зритель всегда поддается внушению. Идем вместе шутка лишь потому, что смеются друг над другом.

— Мы слышали, что недавно вы были награждены орденом Дружбы за заслуги в области театрального искусства и что вам вручили награду президент?

— Да. Это так.

Спас — телефон.

— Приветствуем вас, дорогой! Как здоровы? Какие могут быть разговоры?

Решается «вопрос» артиста Абдулова